

ТЕОРИЯ ПОЛИТИКИ

УДК 316.285

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

Д.Ю. Климин

Аннотация

В условиях развития современного общества этнополитические конфликты являются неотъемлемым его атрибутом. Практически в любом государстве любой социально-политический, экономический, культурный конфликт всегда в той или иной степени будет иметь этническую составляющую. Этнический фактор генерирует многие из тех острых и кризисных ситуаций, которые возникают в сфере политики, межобщинных отношений, отношений между государственными и внутригосударственными образованиями. Вследствие этого грань между социальными, политическими и этнополитическими конфликтами очень размыта и трудноопределима. В данной связи в статье рассматриваются различные концепции, объясняющие природу и генезис этнополитических конфликтов, определяются критерии, на основании которых этнополитический конфликт отличается от политического и этнического конфликта.

Среди многообразных по происхождению, характеру, типологии, способам разрешения конфликтов в особую группу выделяются конфликты этнополитические (межэтнические, межнациональные). Они относятся к числу наиболее сложных, запутанных, затяжных и трудноразрешимых. Как показывает история, этнополитические коллизии во многих полиэтничных странах по своим масштабам, продолжительности и интенсивности значительно превосходят иные типы социально-политических конфликтов.

Этнополитический конфликт в наибольшей степени проявляется, как правило, в полиэтничных государствах. Критерием полиэтничности считается показатель 5% и более представителей нетитульных этнических групп.

В настоящее время большинство государств в современном мире полиэтничны, так как доля этнических меньшинств в составе населения превышает 10%. Это зачастую связывается с действием двух основных факторов в политической истории человечества: 1) территориальной экспансии и/или завоевания и 2) миграционных процессов.

1) Историческое развитие многих государств сопровождалось значительной территориальной экспансией, расширением политических границ за счет включения новых территорий и населяющих их народов. Сходные этнические

последствия возникали в результате завоеваний территориальных аннексий, сопровождавших успешные завоевательные войны. В наибольшей степени действие этого фактора было характерно для многочисленных империй, существовавших в разные эпохи (Австро-Венгерская империя, Российская империя, Османская империя и др.). В XX веке большую роль, особенно в центральной и Восточной Европе, сыграли территориальные изменения по итогам двух мировых войн.

2) Основными мотивами миграций выступают поиски физической безопасности, спасения от религиозных и политических преследований или же стремление обрести более благоприятные экономические условия существования на новом месте. Наибольших размеров миграционные процессы достигли в XX веке в результате технического прогресса средств транспорта (которые стали массовыми и сравнительно недорогими), последствий политического насилия, войн и революций, а также крайне неравномерного международного экономического развития. Это привело к образованию больших по численности групп этнических меньшинств, постоянно проживающих в принимающей стороне.

Конечно же, в истории многих стран можно обнаружить действие не одного, а нескольких из указанных факторов. Практически в любом государстве полиэтничность порождает целый ряд проблем в сфере политики, например, таких как формирование определенной модели политического сосуществования этнических групп в рамках общего государства, достижение баланса в распределении политической власти между этническими группами, учет специфики этнических интересов в публичной политике государства и другие. В результате этого создается пространство для этнической политики и возможность для возникновения и проявления этнополитического конфликта [1, с. 219].

Также необходимо отметить, что невозможность окончательно избавиться от негативных националистических стереотипов вместе с характерным для любого динамично развивающегося общества социально-экономическим расслоением определяет также неизбежность возникновения этнических конфликтов в полиэтничных государствах.

Поэтому этнополитические конфликты при всей своей сложности, остроте и неоднозначности не являются из ряда вон выходящими ни для Европы, ни для мира в целом. Даже в государствах с развитой демократической системой невозможно достичь окончательного примирения несовпадающих интересов этносов, проживающих на их территории. Примером этому служат ситуации в Канаде (проблема Квебека) и Испании, а именно в Каталонии и Стране Басков, где конфликты на этнической почве вылились в самую радикальную форму – форму вооруженной борьбы [2, с. 17].

Поскольку территория бывшего СССР является полиэтничной по составу населения (что характерно и для государств, возникших на этой территории), то фактически любой внутренний конфликт по своему содержанию (социально-экономический или политический) приобретает этнический оттенок. С другой стороны, здесь имеется достаточно оснований для собственно этнических противоречий, как на личностном, так и на групповом уровнях. Поэтому этнический фактор генерирует многие из тех острых и кризисных ситуаций, кото-

рые возникают в сфере политики, межобщинных отношений, отношений между государственными и внутригосударственными образованиями.

Вследствие этого грань между социальными, политическими и этнополитическими конфликтами очень размыта и трудноопределима. Например, выступления национальных движений за независимость в Прибалтике трактовались и в СССР, и за рубежом как один из видов этнических конфликтов. Однако на самом деле здесь в большей мере присутствовал фактор политический, т. е. стремление обрести государственность одной этнической группой, которая формировала идею этнонационализма. Этнический фактор присутствовал и в борьбе национальных движений за суверенитет, независимость автономий в России (Татарстан, Чечня).

В соответствии с вышеизложенными сложностями для лучшего понимания этнополитического конфликта видится необходимым рассмотреть его понятие и определить критерии, на основании которых этнополитический конфликт отличается от политического и этнического конфликта.

Понятия «политический конфликт» и «этнический конфликт» используются для обозначения особых разновидностей социального конфликта. Однако критерии выделения каждого из этих видов конфликтов различны.

Политические конфликты выделяются среди социальных конфликтов на основании специфики той сферы, к которой относится содержание противоречий между конфликтующими сторонами. Акцент ставится на особенностях предмета спора, т. е. на содержательном компоненте конфликта. Предмет политического конфликта составляют специфические ресурсы в сфере политики – государственная власть, принципы и механизмы ее распределения и осуществления, устройство властных институтов, политический статус социальных групп и т. п. В словаре-справочнике «Введение в политологию» под редакцией В.П. Пугачева дается следующее и наиболее распространенное определение политического конфликта: «Политический конфликт представляет собой конкурентное взаимодействие, борьбу двух и более сторон с целью реализации своих интересов в сфере государственной власти» [3, с. 98].

В отличие от политических конфликтов этнические конфликты выделяются не по сфере своего проявления (так как они могут затрагивать любую сферу – политическую, экономическую, культурную и др.), а по специфике участвующих в конфликте сторон (субъектов конфликта). По крайней мере, одна из конфликтующих сторон представлена этнической группой, под которой понимается группа обладающих общей этнической идентичностью людей, которая определяет свое отличие от других групп на основе имеющихся культурных различий. Отсюда следует, что понятие «этнический конфликт» употребляется для описания различных внутригосударственных конфликтов, которые не обязательно носят чисто этнический характер. Это может быть любой спор по важным политическим, экономическим, социальным, культурным или территориальным проблемам между двумя этническими группами или между этнической группой и государством.

Большинство конфликтологов специально подчеркивают, что этничность нельзя отнести ни к причине этнического конфликта, ни к сфере его проявления. Само существование этнических различий между группами не является

причиной конфликта. Как отмечает Р. Ставенхаген, этнический конфликт охватывает широкий круг ситуаций и можно даже утверждать, что этнического конфликта не существует, так как есть социальный, политический, экономические конфликты между группами людей, которые идентифицируются в этнических категориях. Эти этнические характеристики часто маскируют другие социальные интересы, участие в политической власти. Но когда этнические отличия сознательно или неосознанно используются для различения противостоящих друг другу факторов в конфликтной ситуации, т. е. становятся символами политической мобилизации, тогда этничность становится определяющим фактором для природы и динамики конфликта [4, с. 22].

В отечественной литературе сходная точка зрения представлена в работах В.А. Тишкова: «Этнический конфликт – это любые формы гражданских противостояний на внутригосударственном и межгосударственном уровне, в которых хотя бы одна из сторон организуется или мобилизуется по этническому принципу или от имени этнической общности» [5, с. 9].

В соответствии с вышеизложенным этнополитический конфликт можно представить и как особую разновидность этнического конфликта (того, который возникает и протекает в сфере политики), и как особый вид политического конфликта (того, в котором по крайней мере один из субъектов представлен этнической группой).

Таким образом, под этнополитическим мы понимаем конфликт субъектов политики с определенным уровнем организованного политического действия, общественных движений, массовых беспорядков, сепаратистских выступлений и даже гражданской войны с целью реализовать свои интересы и ценности, связанные с достижением или перераспределением политической власти, а также группового политического статуса и приоритетов государственной политики, в которой этнические различия становятся принципом политической мобилизации и по крайней мере одним из субъектов конфликта является этническая группа.

Учитывая вышесказанное, можно с уверенностью утверждать, что термин «этнополитический конфликт» в действительности охватывает широкий круг ситуаций. И они показывают, что в чистом виде этнического конфликта как такового практически не бывает.

В целях понимания сути вышеобозначенных расхождений следует заметить, что в основе интерпретаций этнополитического конфликта лежит разноплановая методологическая основа его исследования. На базе изучения эмпирического опыта, накопленного в различных регионах мира, сложилось несколько концепций, объясняющих природу и генезис этнополитических конфликтов.

Одним из основных подходов является социологический, при котором объяснение причин конфликтов основывается на анализе этнических характеристик основных социальных групп общества (классов, социально-профессиональных слоев и т. д.). Феномен узурпации разного рода привилегированных социальных ниш представителями одной группы в ущерб другим и социальных диспропорций по этническому признаку хорошо известен. Он вполне правомерно рассматривается как основа и побудительный мотив для этнополитиче-

ской напряженности и открытых конфликтов в ряде государств мира. В такой обстановке обострение социальных конфликтов неизбежно ведет к нарастанию этнических противоречий, а это, в свою очередь, вызывает социальное противоборство [6, с. 216–217].

Однако эти и другие диспропорции социального порядка все же не могут быть истолкованы как основная причина этнополитической напряженности и конфликтов.

При объяснении причин этнополитических конфликтов доминирующее место занимает политологический подход, который выявляет роль элитных групп, прежде всего интеллектуальных и политических, в мобилизации этнических чувств, усилении этнополитической напряженности и эскалации ее до уровня открытого конфликта. Именно вопросы о власти, стремлении элитных групп к обладанию ею, о связи власти с материальным вознаграждением в форме обеспечения доступа к ресурсам и привилегиям являются ключевыми для понимания причин роста этнонационализма и конфликтности. Так, например, за годы советского режима в республиках СССР сложились многочисленные и достаточно образованные этнические элиты титульных этнонациональностей. Начиная с политики «коренизации» 1920-х годов и вплоть до середины 1980-х годов действовала система преференций в сфере подготовки «национальных кадров» из республик во всех областях деятельности. С ослаблением контроля Центра над этнонациональными элитами образовался вакуум власти и началась борьба за реальную власть и право контролировать политическую сферу жизни республик [7]. Однако не стоит преувеличивать и целиком объяснять причину конфликтов только генерирующей и организующей ролью элит. Недостаточность этого подхода состоит в том, что он не может в полной мере объяснить феномен массовой мобилизации и интенсивность эмоций участников этнополитических конфликтов.

А вот социально-психологический срез этничности при исследовании ее политического измерения позволяет прояснить эту составляющую этнополитических конфликтов. Поэтому социально-психологические механизмы этнополитических конфликтов играют более важную роль, чем это представлялось в рамках традиционных политических интерпретаций. Именно через призму политического с учетом социально-психологических факторов можно адекватно проанализировать изначальную силу стремления этнической группы к изменениям, составить представление о ее конфликтогенном потенциале и готовности к жестким методам насилия ради достижения этой цели [8, с. 45].

Выбор в пользу какого-либо из обозначенных выше методологических подходов к анализу генезиса этнополитических конфликтов позволяет предложить их соответствующую классификацию. В настоящее время наибольшее признание получили три концепции: структурная (некоторые авторы называют ее системной), поведенческая и коллективного действия. В соответствии со структурной концепцией в основе этнополитической напряженности, приводящей в конечном счете к конфликтам, лежат процессы, связанные с модернизацией, точнее, неравномерностью темпов модернизации экономики, общественной структуры, других сфер жизни этносов в различных районах полиэтничных государств. В этом случае конфликт возникает между притязаниями этни-

ческих групп и реальными возможностями государства гарантировать обеспечение их прав в области экономического и социального развития. Уровень жизни населения в таких районах, как правило, ниже общегосударственных стандартов и значительно уступает уровню в более развитых районах страны. Подобные конфликты носят универсальный характер, через них прошли в свое время практически все страны Западной Европы, в ряде стран они дают о себе знать и в настоящее время [9, с. 78].

Одним из наиболее значимых подходов к анализу генезиса этнополитической напряженности является поведенческая концепция, которая, не отрицая системных причин, акцентирует внимание на социально-психологических мотивах конфликта. В рамках этой концепции получила широкую популярность теория фрустрации-агрессии (Д. Доллард, Н. Миллер, Л. Берковиц). Согласно этой теории актуализация «образа врага» происходит не только от объективных социально-экономических неурядиц, но и от невозможности реализовать определенные желания и ориентиры [10, с. 115].

Так, в Советском Союзе в конце 70-х и в начале 80-х годов в период улучшения социальной ситуации резко возросли потребности и ожидания народов, что сделало необходимым новый прорыв в области общей модернизации. А вместо этого начались деструктивные процессы: ухудшение экономического положения в стране и нарастание политической нестабильности. Неудовлетворенность росла во всем многонациональном сообществе, но те этнические группы, которые переживали период перехода от традиционного общества к современному, переносили свою неудовлетворенность на Центр, на русских, которые ассоциировались с ним.

При объяснении генезиса этнополитических конфликтов серьезного внимания заслуживает концепция коллективного действия. Главным в ней является обоснование первенствующего значения коллективных интересов, которые побуждают людей действовать во имя них, выбирая те или иные формы действий. Не фрустрации, а «наложение коллективного интереса на возможность его достижения» рассматривается как механизм, формирующий действия. Борьба между группами ведется не вообще, а по поводу конкретных вопросов [11, с. 15–43]. Ключевым лейтмотивом в концепции коллективного действия является вопрос о власти, «об устремлениях элитных элементов к обладанию ею, о ее связи с материальным вознаграждением в форме обеспечения доступа к ресурсам и привилегиям, которые являются значимыми для понимания причин роста этнонациональных конфликтов».

Таким образом, сопоставление источников генезиса этнополитического конфликта указывает на преобладание повторяющихся проблем, способствующих этнической мобилизации. Эти проблемы связаны с распределением ресурсов и власти между этническими группами, с вопросом территорий (колонизация, поселения, иммиграция, автохтонная локализация и т. д.), с языком, религией, культурной самобытностью, дискриминацией, основанной на признаках этнических различий.

Существуют две точки зрения, объясняющие влияние конфликтов на происходящие в обществе процессы. Одни исследователи считают, что конфликты несут угрозу, опасность распада общества. Другие ученые настаивают на со-

держаемся в конфликте позитивном социальном содержании. Л. Козер пишет: «Конфликты препятствует окостенению социальных систем, вызывая стремление к обновлению и творчеству» [12, с. 39]. Другой немецкий социолог, Р. Дарендорф, утверждает, что конфликты незаменимы как фактор всеобщего процесса социального изменения [13, с. 24].

С этим можно согласиться лишь отчасти, поскольку этнополитический конфликт – дисфункциональное и нежелательное явление в жизни общества, которое является своего рода тормозом в решении проблем общественной жизни людей различных национальностей. Конфликты ведут не «к обновлению и творчеству», а, наоборот, вызывают застой, отбрасывают общество назад в своем развитии, влекут за собой человеческие жертвы, разруху, спад в экономике, нищету и голод. Разрешить разразившийся этнополитический конфликт крайне трудно, он может длиться месяцы, годы, затухать, затем разгораться с новой силой. Примером этого утверждения может служить процесс ликвидации последствий осетино-ингушского конфликта, растянувшийся на многие годы и имеющий в сегодняшних условиях реальную перспективу дальнейшего развития.

Этническая компонента присуща и России, и большинству очагов напряженности на Северном Кавказе, который уже стал ареной конфликтов, особенно активно проявившихся в открытом вооруженном противостоянии между Россией и Чечней, провозгласившей себя в противовес Конституции Российской Федерации независимой, в осетино-ингушском этнотерриториальном конфликте, а также в грузино-абхазском конфликте.

Заметим, что этнические проблемы относятся к повсеместным явлениям и характерны как для развитых, так и для развивающихся государств. Но в каждом государстве они имеют свою специфику, обусловленную как особенностями современного этапа, переживаемого страной, так и особенностями геополитического положения в меняющемся цивилизационном устройстве человечества.

Несмотря на чрезвычайное многообразие этнополитических конфликтов в мире, можно обнаружить некоторые общие характерные причины их возникновения и тенденции развития.

Причины конфликта не всегда поддаются строгой логической реконструкции и часто содержат трудно объяснимую иррациональную составляющую, которая придает конфликту свою специфику и не позволяет разрешить его простыми средствами. Особенно это заметно в этнополитических конфликтах, которые в силу иррациональности, непродуманности действий людей, преобладания деструктивных эмоций приобретают неуправляемый характер по мере своего расширения и обострения [14, с. 212].

Среди причин этнополитических конфликтов в качестве главной следует обозначить территориальные споры. Как отмечалось выше, большинство современных государств являются полиэтничными. Их создание чаще всего сопровождалось затяжными конфликтами и борьбой за территории проживания. Процесс обретения государственности отдельными этносами развивается и в наше время, что неизбежно влечет за собой претензии на территории других этносов или часть территории других государств. Поскольку этносы – территориально организованные общности людей, постольку любое посягательство на

этническую территорию (истинное или мнимое) воспринимается как посягательство на само существование этноса.

Для обоснования территориальных претензий используются, как правило, исторические факты. В качестве доказательств применяется принадлежность той или иной территории определенному этносу в прошлом. Обе стороны обладают, на их взгляд, бесспорными историческими доказательствами, закрепляющими именно их право на владение территорией. Но в результате многочисленных миграций населения, завоеваний и других геополитических процессов территория расселения этноса неоднократно менялась, как менялись границы государств. Эпоха, от которой начинается счет этнической принадлежности территории, выбирается достаточно произвольно, в зависимости от целей спорящих сторон [14, с. 35].

Углубление в историю, на мой взгляд, не только не приносит разрешения споров, но и, наоборот, делает их более запутанными и субъективными. Территориальные проблемы поэтому в принципе неразрешимы, и их постановка в программах политических движений и отдельных лидеров может выступить в качестве важнейшего признака назревающего этнополитического конфликта. Вероятность найти такое решение проблемы, которое удовлетворило бы обе стороны, чрезвычайно мала, в лучшем случае стороны могут принять компромиссное решение, которое не разрешит конфликт по существу, а переведет его из открытого в скрытое (латентное) состояние. При этом, разумеется, не может быть никакой гарантии, что следующие поколения, не удовлетворенные подобным решением, не возобновят открытый конфликт.

Конфликтологи насчитывают свыше 70 очагов потенциальных территориальных конфликтов на земном шаре (т. е. латентных, скрытых очагов наряду со многими актуализировавшимися конфликтами). Среди актуализировавшихся территориальных конфликтов на территории постсоветского пространства на первую половину 1993 года на Кавказе наиболее значимыми можно назвать конфликт вокруг Нагорного Карабаха, продолжавшийся открыто более 5 лет, и осетино-ингушский. Оба эти конфликта не являются локальными, они имеют существенное геополитическое значение, как и конфликт в Чеченской республике. В период с 1996 по 1999 гг. он находился в латентном состоянии, условия Хасавюртовских соглашений не удовлетворили, по большому счету, ни одну из сторон, поэтому его разгорание с новой силой осенью 1999 года было весьма прогнозируемо.

Вторая группа этнотерриториальных проблем связана с вопросом о создании независимых территориально-государственных образований. Основная часть этносов на земном шаре не имеет собственных независимых национально-государственных образований, часть из них имеет различные формы государственности, включенные в состав других суверенных государств.

По мере повышения фактического статуса, развития экономики, культуры этносов, не имеющих собственных суверенных государств, в их среде нередко возникают движения, имеющие целью формирование независимого национального государства. Особенно влиятельным подобное движение может быть в том случае, если этнос имел на определенном этапе своей истории независимое государство и впоследствии утратил его. Подобные тенденции изменения

своего государственного статуса – одна из наиболее частых причин этнополитических конфликтов. К такого рода конфликтам, в частности на постсоветском пространстве, можно отнести армяно-азербайджанский и грузино-абхазский конфликты. Последний, самый продолжительный и кровавый конфликт, начался за несколько лет до провозглашения независимости Грузии. Конфликт в Абхазии был инициирован политико-идеологическим движением, в программе которого требования равноправия для абхазской культуры и языка играли подчинённую роль, а на первый план выдвигалась идея национального самоопределения.

В основе грузино-абхазского противоборства лежит сложный комплекс факторов как объективного, так и субъективного порядка. Безусловно, обострение ситуации в Абхазии, как и в ряде других регионов СНГ, стало прямым следствием дезинтеграции Советского Союза. При этом под СССР следует понимать не просто некое географическое пространство, но и определенную государственно-политическую и идеологическую систему, существовавшую более 70 лет и таившую в себе мину замедленного действия в виде «национального вопроса», который, как показало время, так и не был до конца решен. Крах этой системы породил взрыв национализма в отдельных ее звеньях и на этом фоне – «парад суверенитетов». Процесс этот не миновал и бывшее советское Закавказье [15, с. 169].

Проблема территориальных претензий существует сегодня практически между всеми республиками бывшего СССР, а между многими из них имеются разногласия относительно их границ. При решении этих проблем и разногласий любые претензии этнических групп, содержащие требования пересмотра границ, очень болезненно воспринимаются титульными этносами и ведут к резкой эскалации межэтнической напряженности. В настоящее время территориальные притязания одних народов и государств к другим, требования передела границ охватывают большую часть постсоветского пространства. Так, на протяжении последних 15 лет на территории этого пространства зафиксированы пять длительных этнополитических вооруженных конфликтов и около 20 кратковременных вооруженных столкновений, повлекших за собой жертвы среди мирного населения.

Стремление этнического меньшинства реализовать право на самоопределение в форме создания независимого государственного образования можно, с другой стороны, назвать территориальным сепаратизмом, подразумевающим требование отделения одной территории, население которой представляет устойчивый моноэтнический массив, от целостного государства или субъекта государства, воспринимаемого как государственность другого народа [14, с. 212].

Территориальный сепаратизм имеет три основные формы: сецессия – отделение с целью создания или воссоздания собственного национального государства; ирредентизм – отделение части территории с целью присоединения к соседнему государству; энзис – отделение территории с целью присоединения к «материнскому» государству, то есть государству с моноэтническим населением. В настоящее время наиболее распространенной формой сепаратизма является сецессия.

Наряду с перечисленными выше причинами, существуют еще и психологические особенности зарождения этнических конфликтов.

Следует выделить следующие психологические факторы, лежащие в основе этнического конфликта: прежде всего, это характер семейного воспитания, социальная категоризация и этнические стереотипы.

Проанализируем характер семейного воспитания. Отношение к чужим группам (этносам) находится в прямой зависимости от амбивалентности эмоциональных отношений в семье. У человека, воспитанного в семье, где царят формальные, жестко регламентированные отношения, часть агрессивности выплескивается на тех, с кем индивид себя не идентифицирует, т. е. на внешние группы. Заменителем ненавидимого отца часто становится представитель другой национальности, отношение к которому проявляется как в предрассудках, так и в действиях вплоть до геноцида. Результаты отдельных психологических исследований показали, что у людей, придерживающихся антисемитских взглядов, ярко выражены предубеждения и против других этнических общностей: когда испытуемых просили высказать свое отношение к двум не существующим в реальности народам, именно антисемитам не нравились эти группы-химеры. Для них была характерна общая тенденция неприятия всех чужих групп и завышение оценки собственной группы [16, с. 113].

Социальная категоризация как психологический фактор межэтнического конфликта связана с обеспечением индивидов системой ориентаций в мире, определением их места в обществе. Она проявляется, во-первых, в том, что члены одной группы воспринимаются как более похожие, чем они есть на самом деле, что приводит к деиндивидуализации, выражающейся в чувстве собственной анонимности и недифференцированном отношении к отдельным представителям чужой группы. Деиндивидуализация же облегчает осуществление агрессивных действий по отношению к «врагам». При исследовании традиционных культур было обнаружено, что чем больше сходных элементов оформления внешности (одежда, прическа, раскраска лица и тела), способствующих деиндивидуализации у членов племени, тем более оно агрессивно [16, с. 113]. Поэтому сегодня единая форма в армиях как элемент, увеличивающий деиндивидуализацию, безусловно, облегчает проявление агрессивности по отношению к враждебным силам.

Во-вторых, социальная категоризация может проявляться и тогда, когда члены двух групп воспринимаются как более отличающиеся друг от друга, чем они есть на самом деле, т. е. речь идет о межгрупповой дифференциации, протекающей в форме противопоставления своей и чужой групп: большинство противопоставляется меньшинству, христиане – мусульманам, коренное население – чужакам и т. п.

Наряду с выше перечисленными причинами, необходимо отметить и присутствие в любом этнополитическом конфликте такой психологической компоненты, как этнический стереотип.

Как известно, поведение представителей того или иного народа характеризуется национально-этническими стереотипами, которые человек усваивает с детства и которые в дальнейшем функционируют преимущественно на подсознании. Отсюда этническим конфликтам свойственны такие особенности бес-

сознательного поведения, как эмоциональность, алогичность, символизм и слабая обоснованность рациональными доводами совершаемых действий. В силу этих особенностей возникновение, развитие и разрешение межэтнических конфликтов в любой сфере жизнедеятельности общества и на любом уровне имеет свою специфику [17, с. 43].

Когда появляется угроза существованию группы как целостного и самостоятельного субъекта межгруппового взаимодействия, на уровне социального восприятия ситуации происходит социальная идентификация по признаку происхождения, по признаку крови; включаются механизмы социально-психологической защиты в виде процессов внутригрупповой сплоченности, внутригруппового фаворитизма, усиления единства «мы» и внешнегрупповой дискриминации и обособления от «них», «чужих». Эти процедуры ведут к отдалению и искажению образов внешних групп [17, с. 44].

Этот вид взаимоотношений исторически предшествует всем другим видам и наиболее глубоко связан с предысторией человечества, с теми психологическими закономерностями организации социального действия, которые зародились в глубинах антропогенеза. Эти закономерности развиваются и функционируют через противопоставление «мы-они» по признаку принадлежности к племени, к этнической группе с тенденцией к этноцентризму, недооценке и принижению качеств «чужих» групп и переоценке, возвышению характеристик своей группы вместе с дегуманизацией (экскаатегоризацией) «чужой» группы в условиях конфликта.

Объединение группы по этническому признаку происходит на основе:

- предпочтения своих соплеменников «чужим», пришлым, некоренным и усиления чувства национальной солидарности;
- защиты территории проживания и возрождения чувства территориальности для титульной нации, этнической группы;
- требований о перераспределении дохода;
- игнорирования законных потребностей других групп населения на данной территории, признаваемых «чужими».

Все эти признаки обладают одним преимуществом для группового массового действия – наглядностью и самоочевидностью общности (по языку, культуре, внешности, истории и т. д.) по сравнению с «чужими». Индикатором состояния межнациональных отношений и, соответственно, их регулятором является этнический стереотип как разновидность социального стереотипа. Функционируя внутри группы и будучи включенным в динамику межгрупповых отношений, стереотип выполняет регуляторно-интеграционную функцию для субъектов социального действия при разрешении социального противоречия. Именно эти свойства социального стереотипа, этнического в особенности, делают его эффективным регулятором любых социальных отношений, когда эти отношения в условиях обострения противоречий редуцируются к межэтническим [17, с. 45].

При этом регуляция межгрупповых отношений с помощью этнического стереотипа приобретает как бы самостоятельное существование и психологически возвращает социальные отношения в историческое прошлое, когда групповой эгоизм глушил ростки будущей общечеловеческой зависимости самым

простым и древним образом – путем уничтожения, подавления инакообразия в поведении, ценностях, мыслях. Это «возвращение в прошлое» позволяет этническому стереотипу в то же время выполнять функцию психологической компенсации в результате дисфункций идеологических, политических, экономических и иных регуляторов интеграции при межгрупповых взаимодействиях. Когда сталкиваются интересы двух групп и обе группы претендуют на те же блага и территорию (как, например, ингуши и североосетинцы), в условиях социального противостояния и девальвации общих целей и ценностей национально-этнические цели и идеалы становятся ведущими социально-психологическими регуляторами массового социального действия. Поэтому процесс поляризации по этническому признаку неизбежно начинает выражаться в противостоянии, в конфликте, который, в свою очередь, блокирует удовлетворение базовых социально-психологических потребностей обеих групп.

В результате сохраняется или нарастает неравенство, что крайне раздражает членов угнетаемых групп, которые постоянно находятся в напряжении. При этом более сильный этнос, как правило, ограничивает, если не исключает вообще, претензии более слабых групп. Индивиды внутри любых групп соответственно также имеют различные позиции, т. е. обладают ограниченной свободой и возможностями. Члены группы с высоким статусом стараются обычно «переключить» недовольство группы на «внешнего» соперника.

Наряду с вышеназванными причинами немаловажную роль играют и социально-экономические факторы. Сюда следует отнести борьбу этносов за материальные ресурсы, разделение труда, идеологические проблемы, проблему власти и т. д.

Быстрые перемены в социально-экономическом положении одних этнических групп по отношению к другим неизбежно создают определенную напряженность в их взаимоотношениях. Те, кто видит, что их привилегии убывают, скорее всего, почувствуют для себя угрозу в происходящих переменах, в то время как те, чьи позиции улучшаются, наоборот, почувствуют угрозу, если темпы выгодных для них перемен понизятся, что очень часто и происходит. Разумеется, речь тут идет не об абсолютном уровне жизни, а о соотношении уровней жизни различных этнических групп, играющем решающую роль для возникновения ощущения обездоленности. Но даже при наличии относительного неравенства конфликт может долгое время и не развиваться, если существующее положение воспринимается как часть устоявшегося порядка вещей и если имеются социальные и политические средства для ограничения взаимодействия разных этнических групп.

В случае возникновения борьбы этносов за материальные ресурсы, среди которых важнейшими являются земля и ее недра, каждая из конфликтующих сторон стремится обосновать свое «естественное» право на использование земли и природных ресурсов, подобные «ресурсные» конфликты имеют тупиковый характер и, как правило, разрешимы мирными средствами лишь на ранних стадиях своего развития, до тех пор пока не начались межличностные столкновения на этой почве [18, с. 8].

О России можно сказать, что определяющими в межнациональных противоречиях являются, прежде всего, насущные проблемы, порожденные развалом

единого государства, кризисом неуправляемости, упадком экономики, неравенство, ущемление прав по национальному признаку, культурные и религиозные особенности и различия. Это и стало основной причиной борьбы национально-территориальных регионов за выживаемость путем самостоятельного распоряжения природными ресурсами, проведения своей бюджетной и налоговой политики.

Необходимо отметить, что неравенство этносов обусловлено объективными обстоятельствами – численностью, отсутствием ресурсной базы, уровнем социально-экономического развития и т. п. Именно поэтому идеал сколь-либо близкого по времени равенства этносов вряд ли можно рассматривать в качестве реально и быстро достигаемой цели.

Говоря о причинах, порождающих конфликты на этнической почве, нельзя не упомянуть о сложившемся в большинстве полиэтничных обществ разделении труда между этническими группами. Этническое сознание становится основой для подбора кадров, и в некоторых республиках трудовые коллективы формируются на основе этнической, земляческой, клановой солидарности. Целые социальные и профессиональные слои приобретают этническую окраску (например, коммерция, как наиболее выгодное в нынешних условиях занятие), монополизированы целые профессии. Поскольку различные сферы приложения труда дают различные доходы, между ними складывается негласная конкуренция, пристрастное сопоставление трудового вклада и вознаграждения. Когда существует определенная зависимость между сферами труда и этническими общностями, эта конкуренция переносится на сами этнические группы, автоматически придавая любому социальному и политическому противоречию или столкновению экономических интересов взрывоопасность и ожесточенность межэтнического противоборства, в результате чего возникает напряжение в межэтнических отношениях – первый предвестник конфликта.

По чисто объективным причинам (численность, вклад в развитие экономики, культуры, географические условия и пр.) этносы находятся и, вероятно, будут находиться в обозримом будущем в неравных условиях. Если достичь равенства довольно трудно, то достижение их равноправия возможно, необходимо и вполне осуществимо. Что касается разнообразных (экономических, политических, культурных) устремлений самих этносов, то в этом их нельзя ограничивать. Каждой этнической единице свойственно стремление сохранить свою территорию, сохранить язык, культуру, идентичность.

Во многих государствах не уважают прав национальных меньшинств, тем самым государства косвенно провоцируют рост национального самосознания. Во многих случаях стремление определенных этносов обрести политическое влияние стимулировалось перманентной агрессивностью со стороны государства, стремящегося к национальной унификации.

Так, например, во многом подобная политика, думается, привела к росту национального самосознания в Абхазии. Конфликт в Абхазии был инициирован политико-идеологическим движением, в программе которого требования равноправия для абхазской культуры и языка играли подчиненную роль, а на первый план выдвигалась идея национального самоопределения.

Несомненно, в основе этнополитических противостояний лежит неудовлетворенность растущих элитных групп своим нынешним положением и вытекающим отсюда стремлением к перераспределению властных полномочий в свою пользу через инициирование и проведение национальных движений, имеющих целью формирование независимого национального государства. Особенно влиятельными подобными движениями могут быть в том случае, если этнос имел на определенном этапе своей истории независимое государство и впоследствии утратил его. Подобные тенденции изменения своего государственного статуса – одна из наиболее частых причин этнополитических конфликтов.

Summary

D.Yu. Klimin. Ethnopolitical conflicts: theory and methodological approaches.

In the conditions of the modern society development, ethnopolitical conflicts are its inseparable part. Practically in every state any social, political, economic, or cultural conflict always has, to this or that degree, an ethnic element. The ethnic factor generates many of the acute and crisis situations which occur in politics, intercommunity relations, and relations between state and intrastate entities. As a result, the gap between social, political and ethnopolitical conflicts becomes vague and hard to distinguish. In this connection, the paper presents various concepts explaining the nature and genesis of ethnopolitical conflicts, determines the criteria which help distinguish the ethnopolitical conflict from political and ethnic ones.

Литература

1. *Дмитриев А.В.* Социальный конфликт: общее и особенное. – М.: Гардарики, 2002. – С. 219.
2. *Ландабасо Ангуло А.И., Коновалов А.М.* Терроризм и этнополитические конфликты. Книга вторая. Терроризм сегодня. – М.: ОГНИ, 2004. – С. 17.
3. Введение в политологию: Словарь-справочник / Сост. Г.Л. Купряшин, Т.П. Лебедева, Г.И. Марченко; под ред. В.П. Пугачева. – М.: Аспект Пресс, 1996. – С. 98.
4. *Аклаев А.Р.* Этнополитическая конфликтология: Анализ и менеджмент. – М.: Дело, 2005. – С. 22.
5. *Тишков В.А.* О природе этнического конфликта // Свободная мысль. – 1993. – № 4. – С. 9.
6. *Рыкалина Л.А.* О природе этнонационального конфликта // Социально-политический журн. – 1995. – № 5. – С. 216–217.
7. *Никовская Л.И., Степанов Е.И.* Состояние и перспективы этноконфликтологии // Конфликтология: хрестоматия. – М.; Воронеж, 2002.
8. *Мацнев А.А.* Этнополитические конфликты: природа, типология и пути урегулирования // Социально-политический журн. – 1996. – № 4. – С. 45.
9. *Тураев В.А.* Этнополитология. – М.: Ладомир, 2001. – С. 78.
10. *Стефаненко Т.* Этнопсихология. – М.: Академпроект, 1999. – С. 115.
11. *Аклаев А.Р.* Законодательство о языках и межэтнические конфликты в республиках Российской Федерации // Конфликтная этничность и этнические конфликты. – М.: ИЭА РАН, 1994. – С. 15–43.
12. *Коваленко Б.В., Пирогов А.И., Рыжов О.А.* Политическая конфликтология. – М.: Ижица, 2002. – С. 39.

13. *Дарендорф Р.* Элементы теории социального конфликта // Социальные исследования. – 1994. – № 5. – С. 24.
14. *Колесова Е.* Причины современных межэтнических и межконфессиональных конфликтов // Общественные науки и современность. – 1999. – № 4. – С. 117–120.
15. *Пряхин В.Ф.* Региональные конфликты на постсоветском пространстве. – М.: ООО «Изд-во ГНОМ и Д», 2002. – С. 169.
16. *Мнацаканян М.О.* Этносоциология: науки, национальная психология и межнациональные конфликты. – М.: Акил, 1998. – С. 113.
17. *Чугров С.* Этнические стереотипы и их влияние на формирование общественного мнения // Мировая экономика и международные отношения. – 1993. – № 1. – С. 43–45.
18. *Тишков В.А.* О природе этнического конфликта // Свободная мысль. – 1993. – № 4. – С. 8.

Поступила в редакцию
12.02.07

Климин Денис Юрьевич – аспирант кафедры политологии Казанского государственного университета.

E-mail: kliden@mail.ru